

А.В. Галеев

научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

М.М. Жохов

стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская экономическая школа (Москва)

EX-POST АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ: СРАВНЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Аннотация. В статье приводится сравнение методологических подходов к ex-post анализу эффективности мер экономической политики в области развития международной торговли на примере работы Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). С одной стороны, рассматривается оценка деятельности организации с помощью индексов. Приведены данные индексов используемых непосредственно АТЭС при подведении итогов работы, а также индексов, рекомендованных ВТО, ЮНКТАД и Всемирным Банком. С другой стороны, рассматривается методология ex-post анализа с помощью эконометрических моделей, в частности гравитационной модели. Даются результаты оценки влияния АТЭС на объем импорта, торговые трансакционные издержки и эффективность политики, направленной на упрощение процедур торговли. По результатам сравнительного анализа методологических подходов можно сделать вывод о том, что использование исключительно индексов при ex-post анализе не может в полной мере характеризовать результаты экономической политики, так как в этом случае невозможно выделить эффект конкретных мер. В частности, значения индексов не отражают вклад АТЭС в развитие международной торговли в регионе. Для получения достоверной оценки экономической политики необходимо использовать также и эконометрическую оценку — применение гравитационной модели может дополнить анализ индексов и количественно оценить результаты проводимой политики.

Ключевые слова: международная торговля, ex-post анализ, индексы, гравитационная модель, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество.

JEL: B41, F13.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_07_23.

Введение. Об измерении результатов деятельности наднациональных организаций

В конце XX в. корпус рекомендаций по макроэкономической политике, известный как Вашингтонский консенсус, стал одним из краеугольных камней экономического либерализма и глобализма. За прошедшие десятилетия положения Вашингтонского консенсуса столкнулись с серьезной теоретической критикой и практическими вызовами (см., например, [Slobodian, 2018; Ананьин, Хаиткулов, Шестаков, 2010; Stiglitz, Schoenfelder, 2003; Krugman, 1995]). Однако эти положения продолжают составлять консенсус для правительств и наднациональных организаций. Одни организации (например, Всемирная торговая организация, Организация экономического сотрудничества и развития) специализиру-

ются на развитии международной торговли и снижении торговых барьеров на глобальном уровне, другие — на региональном уровне (например, Европейский союз и Евразийский экономический союз). В то же время в литературе обращается внимание на развитие идей неомеркантилизма и экономического национализма [Pryke, 2012; Helleiner, Pickel, 2005; Crane, 1998], представляющего альтернативу экономическому либерализму при принятии политических решений [Брюне, Гишар, 2012; McDermott, 1999]. Рост противоречий и конфликтов в глобальной политике и экономике усиливает конфликт между двумя противостоящими идеями организации мирового порядка.

Научный анализ содержания противостоящих подходов и связанных с ними политических рекомендаций затрудняется не только резким идеологическим противостоянием, но и сложностью корректной оценки макроэкономических результатов деятельности наднациональных организаций в области развития международной торговли. Многообразие объектов анализа приводит к созданию большого количества методологий [Бирюкова, Бежанишвили, 2017], которые, в свою очередь, имеют строгие ограничения применимости и часто не могут корректно передать реальную ситуацию [Ненадышина, 2019]. Некоторые из них дополняют друг друга, а некоторые — противоречат. В условиях, когда различные методологии дают различные оценки, корректное представление роли наднациональных организаций в тех или иных событиях оказывается сложной задачей. Более того, в большинстве случаев предписания и постановления наднациональных организаций носят рекомендательный характер, что сказывается при их реализации в национальных законодательствах. В таких условиях одни цели могут игнорироваться в пользу других [Ali, Hussain, Zhang, Nurunnabi, Li, 2018], а статистика и отчеты носить избирательный характер.

Примером методологических проблем является слабая корреляция между показателями Enabling Trade Index, Logistics Performance Index и Doing Business. Все эти индексы (или отдельные их компоненты) измеряют наличие торговых барьеров для определённой страны. Из единства объекта измерения можно предположить, что между индексами должна быть сильная корреляция. Однако это не всегда так, и результаты описанных показателей для одной и той же страны сильно отличаются между собой [Ненадышина, 2019. С. 114]. Более того, сравнение этих индексов с результатами опроса предпринимателей о торговых барьерах выявило слабую взаимосвязь и с мнением предпринимателей об их наличии [Behar, 2010].

Тем не менее существуют примеры комплексных количественных индикаторов, адекватно отражающих динамику развития стран. Один из них — индекс Целей устойчивого развития (ЦУР), отражающий прогресс стран в области достижения Целей устойчивого развития ООН. Для 17 целей измеряется 91 показатель, а для стран ОЭСР в силу доступности информации — ещё 30 дополнительных показателей. Всесторонняя оценка индекса ЦУР, основанная в том числе на добровольных отчетах стран по выполнению задач ООН, позволяет оценить результаты стран по выполнению ЦУР [Ланьшина, Барина, Логинова, Лавровский, Понедельник, 2019], а также эффективно реагировать на такие мировые кризисы, как, например, пандемия COVID-19, дорабатывая методологию, а не выстраивая её заново [Bobilev, Grigoryev, 2020]. Так, в 2021 г. при расчёте индекса использовалось на 6 показателей больше, чем в предшествующем году [Sachs, Kroll, Lafortune, Fuller, Woelm, 2021].

При анализе международной торговли также предпринимались попытки систематизировать различные показатели и модели для удобства дальнейшей работы. В 2012 г. совместными усилиями учёных из ВТО и Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) было разработано руководство по анализу торговой политики [Bacchetta, Beverelli, Cadot, Fugazza, Grether, Helble, Nichita, Piermartini, 2012]. Оно включает в себя описание методологии ex-post анализа, позволяющего оценить положение экономики в прошедшем периоде. В качестве инструментов ex-post анализа приводится ряд индек-

сов, отражающих динамику торговых потоков и наличие торговых барьеров. Отмечается, что различные индексы хорошо подходят для оценки совокупного эффекта принимаемых мер в рамках отдельно взятой страны (например, индекс сравнительных преимуществ, открытости торговли и диверсификации торговли). Также в руководстве изложены основные положения ex-ante анализа — методологии прогнозирования на основе определенной модели. Однако, как отмечают авторы руководства, определённые инструменты ex-ante анализа подходят для проведения ex-post исследований в зависимости от исследовательского вопроса политики [Bacchetta, Beverelli, Cadot, Fugazza, Grether, Helble, Nichita, Piermartini, 2012. P. 8]. Одним из таких инструментов выступает гравитационная модель, рекомендованная для анализа влияния отдельных мер торговой политики и участия в наднациональных организациях. Более того, её актуальность привела к созданию в 2016 г. второго тома руководства [Yotov, Piermartini, Monteiro, Larch, 2016], полностью посвященного различным способам применения гравитационной модели, ее недостаткам и развитию. Тем не менее многие международные организации продолжают использовать лишь общие показатели и индексы для анализа собственной деятельности, несмотря на доступность более продвинутой методологии. Примером здесь может выступать Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). Особый интерес эта организация вызывает также потому, что она объединяет экономики одного из наиболее динамично развивающихся регионов мира. Деятельность этой организации представляет непосредственный интерес для России, являющейся ее членом.

Цель данной работы — сравнение методологии оценки эффективности мер экономической политики в области развития международной торговли на примере деятельности АТЭС. Для этого проводится сравнение между используемой в деятельности АТЭС оценкой на основе статистических индексов (индекс экономической свободы, открытости торговли и индекс проникновения на экспортные рынки) [Asia-Pacific Economic Cooperation, 2020a] и предлагаемой экспертами оценки на основе гравитационной модели [Hur, Lee, 2017; Park, Park, 2016; Shepherd, 2016]. На этой основе выявляются основные преимущества и недостатки обоих подходов.

Статья имеет следующую структуру: сначала приводится краткий обзор деятельности АТЭС, затем, в следующих двух частях рассматривается оценка деятельности организации с помощью индексов и гравитационной модели соответственно, наконец, в последней части проводится сравнение методологий.

АТЭС и выполнение Богорских целей

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество было образовано в 1989 г. в Канберре как форум для неформального диалога участников на министерском уровне. В первый состав организации входило 12 членов, включая США и Японию. До 1998 г. шло расширение состава участников, пока он не достиг 21 экономики¹, в том же году в число этих экономик вошла Россия. В 1994 г. во время саммита в Богоре (Индонезия) организация обозначила цели и задачи на период до 2020 г. [Asia-Pacific Economic Cooperation, 1994]. Основной стратегической целью стало формирование системы свободной торговли и инвестиций внутри Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В 2020 г. с окончанием срока исполнения Богорских целей прошел очередной саммит АТЭС в Малайзии, где были подведены итоги работы организации и определены новые «Путраджайские ориентиры» до 2040 г. [Asia-Pacific Economic Cooperation, 2020b].

¹ В результате присоединения Тайваня и Китая к организации, в её рамках принято использовать термин «экономики» для обозначения стран-участниц.

За весь срок своего существования АТЭС не раз подвергалось критике за невозможность обеспечения условий для сотрудничества в рамках Богорских целей. Организация не способствовала значительному снижению транзакционных издержек, а также не смогла достичь одной из ключевых целей — создания зоны свободной торговли «Free Trade Area of the Asia Pacific» (FTAAP) [Solis, Wilson, 2017]. В то же время происходило усиление конкурирующих структур — Транстихоокеанского партнёрства² (ТТП) и Всестороннего регионального экономического партнёрства³ (ВРЭП). Их существование привело к поляризации Азиатско-Тихоокеанского региона [Потанов, 2017; Портанский, 2017; Веремеев, 2016]. Само противостояние этих структур лишь подчеркивает политические проблемы АТЭС, чьи предписания (как и предписания других наднациональных организаций) носят рекомендательный характер. Отсутствие у АТЭС политической воли, способной совладать с поляризацией, становится препятствием для дальнейшей интеграции региона. Будучи по сути платформой, на которой сошлись различные политические силы, АТЭС становится неспособна к постановке и выполнению четких целей, а ее успехи весьма спорны [Osakwe, Ani, 2014]. Тем не менее отмечается и положительный вклад АТЭС в международную торговлю. Так, в литературе обращается внимание на увеличение объёмов торговли между странами-членами, позитивное влияние на объём инвестиций [Makin, Chai, 2018] и общую либерализацию торговли [Drysedale, 2009].

Методология ex-post оценки на основе индексов

Несмотря на существование продвинутых эконометрических моделей для оценки деятельности наднациональных организаций, чаще всего при принятии политических решений и подведении итогов политики предпочитают смотреть на показатели и индексы. Однако такой подход при оценке деятельности АТЭС вызывает сомнения относительно достоверности и качества выводов [Hur, Lee, 2017. P. 1078]. В итоговом отчёте по выполнению Богорских целей использовались такие показатели и индексы, как динамика экспорта и импорта, динамика различных видов тарифов, индекс экономической свободы и другие индексы, однако отсутствует эконометрическая оценка деятельности АТЭС [Asia-Pacific Economic Cooperation, 2020a]. При рассмотрении отдельных стран чаще всего отмечались лишь общие изменения, такие как изменения ставок тарифов, которые могут быть связаны как с прямой деятельностью АТЭС, так и с общими трендами мировой экономики.

Ограниченное количество инструментов анализа, представленных в итоговом отчете АТЭС, потребовало дополнить список индексов, описывающих деятельность форума. Для этого были выбраны следующие индексы: индекс экономической свободы, представленный в итоговом отчёте АТЭС; индекс открытости торговли, рекомендованный ВТО и ЮНКТАД; индекс проникновения на экспортные рынки, представленный в World

² Преференциальное торговое соглашение было заключено между 12 странами 4 февраля 2016 г. в Окленде (Новая Зеландия). Переговоры были начаты в 2008 г. по инициативе США, тем не менее вышедших из соглашения в 2017, что не помешало дальнейшему формированию ТТП в формате 11 стран. Текущие участники: Австралия, Перу, Бруней, Вьетнам, Новая Зеландия, Чили, Сингапур, Малайзия, Мексика, Канада, Япония.

³ Соглашение, подписанное в Ханое (Вьетнам), о крупнейшей зоне свободной торговли охватывает 15 стран (переговоры по его созданию начались в 2012 г.). Оно включает 10 участников АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и 5 сторонних государств (Австралия, Китай, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония). Одну из лидирующих ролей в соглашении занимает Китай, именно его противостояние с США является одной из основных причин конкуренции между ВРЭП и ТТП [Портанский, 2017].

Integrated Trade Solution⁴. При выборе индексов мы руководствовались следующими критериями: во-первых, набор индексов должен охватывать широкий спектр экспертных рекомендаций по анализу торговой политики, что привело к рассмотрению индекса открытости торговли и индекса проникновения на экспортные рынки. Во-вторых, каждый из индексов должен отражать результаты страны непосредственно в снижении торговых барьеров и налаживании экономических связей, а не общеэкономические показатели, какие были представлены в итоговом отчете АТЭС [Asia-Pacific Economic Cooperation, 2020a. Pp. 12–15]. В-третьих, каждый индекс должен быть рассчитан на данных, охватывающих период аналогичный периоду, описанному в эконометрических исследованиях, такое условие позволит более ясно соотнести результаты, полученные при оценке гравитационной модели, с результатами анализа индексов.

Так как анализ динамики индексов одновременно для всех экономик АТЭС с помощью графиков представляется затруднительным в силу большого количества участников, было принято решение отразить на графиках только следующие страны: Россия, США, Китай, Филиппины и Чили. При выборе данных мы постарались охватить разные аспекты экономической деятельности и выбрали указанные страны по следующим причинам. Во-первых, необходимо изучить положение России среди экономик АТЭС. Во-вторых, США и Китай представляют особый интерес как экономические, так и идеологические противники [Boylan, McBeath, Wang, 2021]. Действия этих стран имеют последствия для всей мировой экономики [Zhang, Lei, Ji, Kutan, 2019] и непосредственно для АТЭС — именно вокруг США и Китая были образованы структуры, конкурирующие в рамках АТЭС, — ТТП и ВРЭП, соответственно. Филиппины были включены в список, где было существенно затруднено внедрение политики либерализации АТЭС [Quimba, Barral, 2019], а при оценке изменений торговых транзакционных издержек, страна показала наихудший результат [Shepherd, 2016. P. 9]. Также мы включили Чили как участника АТЭС, где достаточно интенсивно проводилась политика либерализации торговли и заинтересованного в торговле непосредственно с АТР [Baeza Freer, Griffiths, 2019].

Данные индекса экономической свободы [Heritage Foundation, 2021a] были использованы при анализе результатов деятельности АТЭС в финальном отчете [Asia-Pacific Economic Cooperation, 2020a. P. 62]. Однако в документе приводится динамика только по одному из его составляющих — показателю инвестиционной свободы. Так как наша цель — анализ методологии исследования именно международной торговли, а не финансовых потоков в целом, было решено изучить другую его составляющую — индекс торговой свободы [Heritage Foundation, 2021b], данные по которому приводятся в базе данных [Heritage Foundation, 2021c]⁵. Данный индекс отражает уровень доступности страны для участия в международной торговле и принимает значения от 0 до 100 пунктов. Он рассчитывается по следующей формуле:

$$Trade\ Freedom_i = \frac{Tariff_{max} - Tariff_i}{Tariff_{max} - Tariff_{min}} * 100 - NTB_i, \quad (1)$$

где $Tariff_{max}$, $Tariff_{min}$ — принятые границы тарифов, $Tariff_i$ — средний тариф в стране i , NTB_i — штраф за нетарифные барьеры.

⁴ World Integrated Trade Solution (WITS) — проект, призванный обеспечить доступ данным о международной торговле, созданный при сотрудничестве ЮНКТАД, Всемирного банка, статистического отдела ООН, ВТО и Международного торгового центра [World Integrated Trade Solution, 2021a].

⁵ Именно эти данные использовались при составлении отчета АТЭС [Asia-Pacific Economic Cooperation, 2020a. P. 62]).

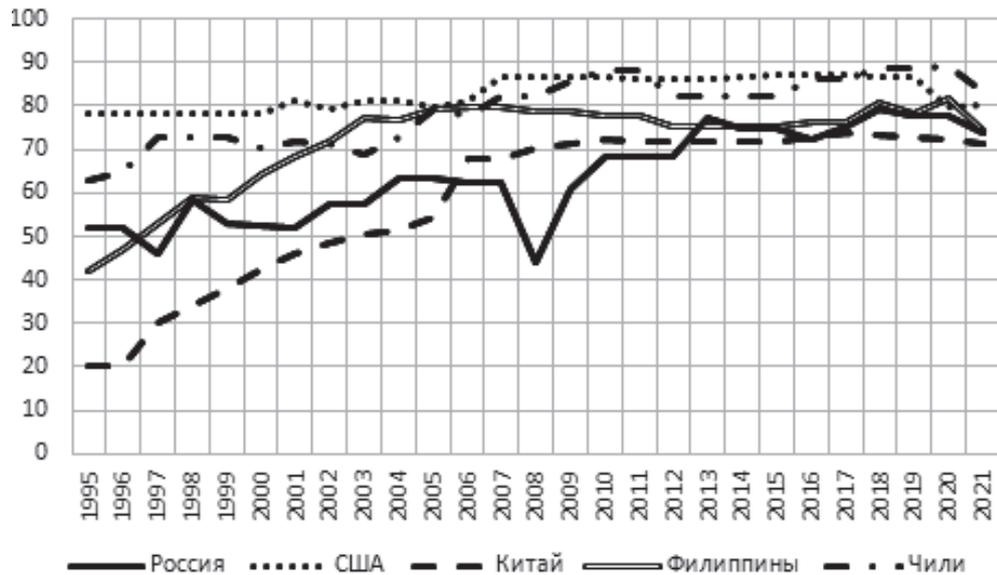

Рис. 1. Динамика индекса торговой свободы 1995–2021 гг. для экономик-членов АТЭС, %
 Источник: Index of economic freedom [Heritage Foundation, 2021b].

На рис. 1 приведена динамика индекса торговой свободы для ряда экономик — участников АТЭС. В период с 1995 по 2021 гг. Для них был характерен в целом возрастающий тренд индекса торговой свободы, в последнее десятилетие значение индекса не было подвержено значительным колебаниям и находилось в коридоре между 70 и 90 пунктами. Россия также следует этому тренду, однако наблюдается значительное падение индекса в 2008 г., которое сменяется ростом и выходом на значения, соответствующие другим странам, представленным на графике. С одной стороны, это может свидетельствовать о положительной роли АТЭС в увеличении открытости торговли, с другой — быть следствием общих трендов мировой экономики.

Индекс открытости торговли также часто используется при анализе международной торговли (см., например, [Bacchetta, Beverelli, Cadot, Fugazza, Grether, Helble, Nichita, Piermartini, 2012. Рр. 13–16]). Данный индекс отражает то, насколько экономика страны вовлечена в международную торговлю, измеряется в процентах и рассчитывается как отношение суммы экспорта и импорта к текущему ВВП:

$$O_i = \frac{Ex_i + Im_i}{Y_i}, \quad (2)$$

где Ex_i — экспорт страны i , Im_i — импорт страны i , Y_i — ВВП страны i .

На рис. 2 изображена динамика индекса открытости торговли для выбранных стран. На основании динамики индекса открытости торговли за период с 1995 по 2020 гг. невозможно выделить единый тренд для всех участников АТЭС, однако для большинства экономик характерен убывающий тренд значений индекса, начиная с 2000-х гг., как видно из динамики значений индекса для России. Важно отметить, что различия между странами практически необъяснимы в рамках анализа деятельности АТЭС. Соответственно, динамика индекса не может репрезентативно представить результаты деятельности данной организации.

Наконец, индекс проникновения на экспортные рынки отражает диверсификацию экспорта и развитие экономических отношений с другими странами и используется Всемирным Банком при оценке конкурентоспособности экспорта [Корытова, 2015. С. 170]. Для страны i и товара j индекс рассчитывается как отношение текущего количества экспорт-

ных отношений (количество стран, импортирующих товар j из страны i), к общему количеству потенциальных отношений (количество стран, которые в целом импортируют товар j):

$$P_{ij} = \frac{n_{ij}}{N_{ij}}, \quad (3)$$

где n_{ij} — текущее количество экспортных отношений, N_{ij} — потенциальное количество экспортных отношений.

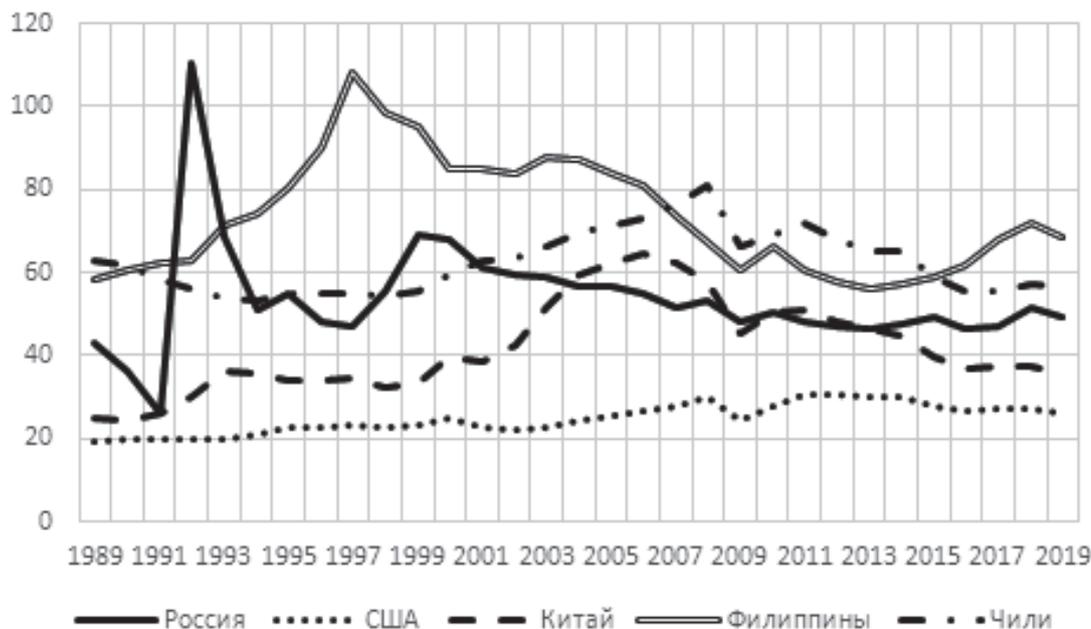

Рис. 2. Динамика индекса открытости торговли 1995–2017 гг. для стран АТЭС, %
 Источник: World Bank Databank [World Bank, 2021].

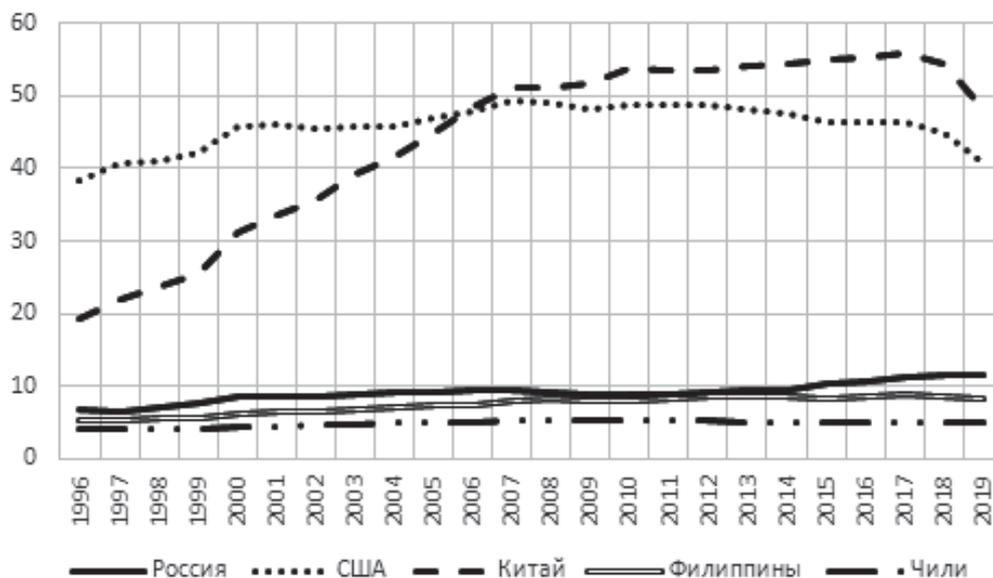

Рис. 3. Динамика индекса проникновения на экспортные рынки 1990–2019 гг. для стран АТЭС, в %
 Источник: World Integrated Trade Solution [World Integrated Trade Solution, 2021b].

Как видно из рис. 3, в течение всего исследуемого периода преобладал положительный тренд, который постепенно замедлялся и в последние годы для некоторых стран сменился отрицательным. Данные индекса для России соответствуют общим тенденциям —

значения индекса постоянно росли на протяжении всего обозначенного периода. В рамках рассмотрения данной динамики невозможно проследить прямой эффект от взаимодействия стран внутри АТЭС, равно как и его отсутствие.

Таким образом, с помощью рассмотренных индексов невозможно выделить эффект от участия стран в АТЭС. Несмотря на то, что индексы соответствуют экспертным рекомендациям, напрямую отражают информацию о международной торговле, а исследуемый период включает в себя наиболее активный период развития АТЭС, сделать однозначные выводы о результатах деятельности конкретной организации невозможно.

Методология ex-post оценки на основе гравитационной модели

Одной из наиболее эффективных и распространённых эконометрических моделей для оценки вклада наднациональных организаций в международную торговлю является гравитационная модель внешней торговли [Yotov, Piermartini, Monteiro, Larch, 2016]. Впервые она была предложена Яном Тинбергеном в 1962 г. и представляла собой инструмент для прогнозирования торговых потоков (ex-ante модель) [Tinbergen, 1962]. Её оригинальная функциональная форма повторяет формулу всемирного тяготения Ньютона, где массы объектов заменены на «массы» экономик — их общий выпуск, а целевой переменной является объем торговли между ними:

$$x_{ij} = k * \frac{y_i^\alpha * y_j^\beta}{D_{ij}^\gamma}, \quad \alpha > 0, \beta > 0, \gamma > 0, \quad (4)$$

где x_{ij} — торговый поток от экспортера i в страну j , y_i — ВВП страны i , D_{ij} — расстояние между странами, k , α , β , γ — оцениваемые коэффициенты. Гравитационная модель обладает высокой объясняющей силой с большим коэффициентом детерминации [Шумилов, 2017]. Модель была принята академическим и экспертным сообществом, ее описание присутствует в обзорных методологических статьях Международного валютного фонда уже в конце 1960-х гг. [Taplin, 1967]. Изначально отсутствие теоретических оснований гравитационной модели считалось значительным недостатком такого подхода [Hua, Porell, 1979]. Однако в дальнейшем под функциональную форму (4) удалось подвести теоретическую базу [Arkolakis, Costinot, Rodriguez-Claire, 2012; Eaton and Kortum, 2002; Deardoff, 1998; Bergstrand, 1985]. Успешный опыт эмпирической оценки гравитационной модели, начиная с конца 1960-х гг. [Yamazawa, 1970; McConnell, 1969; Allen, 1967], привёл к тому, что уже к 1990-м гг. данная методология повсеместно использовалась для анализа результатов экономической деятельности — ex-post анализа [McCallum, 1995; Bröcker, Rohweder, 1990]. В литературе отмечается, что гравитационные модели подходят и для анализа отдельных отраслей [Aichele, Felbermayr, Heiland, 2014].

В современных работах наиболее часто встречается гравитационное уравнение, полученное из модели с предпосылкой о функции полезности потребителей с постоянной эластичностью замещения (CES-функции) и включающее в себя показатели многостороннего сопротивления [Anderson, 1979; Anderson, van Wincoop, 2003]:

$$x_{ij} = \frac{y_i * y_j}{y^w} \left(\frac{t_{ij}}{\Pi_i * P_j} \right)^{1-\sigma}, \quad \text{где} \quad \Pi_i = \sum_j \left(\frac{t_{ij}}{P_i} \right)^{1-\sigma} * \frac{y_j}{y^w} \frac{1}{1-\sigma}, \quad (6)$$

где y^w — мировой ВВП, t_{ij} — торговые издержки, Π_i и P_j — показатели многостороннего сопротивления (Π_i — сопротивляемость экспорту из региона i , P_j — сопротивляемость импорту в регион j), σ — эластичность замещения между товарами стран $\sigma > 1$.

Специалисты ЮНКТАД и ВТО выделяют ряд преимуществ использования при анализе методологии гравитационной модели ex-post, среди которых стоит отметить тот факт, что модель позволяет реалистично представить взаимосвязь различных стран, секторов экономики, фирм и таким образом отследить косвенные эффекты, вызванные торговой политикой отдельно взятой страны [Yotov, Piermartini, Monteiro, Larch, 2016, P. 5]. Более того, используя аналогию закона всемирного тяготения Ньютона, модель позволяет интуитивно понять основные принципы международной торговли.

Использование гравитационной модели позволяет количественно измерить эффект от участия в различных торговых соглашениях и организациях. В рамках анализа деятельности АТЭС примером таких работ является измерение вклада АТЭС в увеличение торговых потоков входящих в нее экономик [Lee, Hur, 2009; Armstrong, Drysdale, 2009]. В одной из недавних работ было продемонстрировано, что АТЭС действительно вносит положительный вклад в объём импорта как промышленных, так и непромышленных товаров со стороны членов организации [Hur, Lee, 2017. Pp. 1085–1092]. В то же время стоит учитывать, что исследование сфокусировано на конечных товарах, однако в условиях усиления вертикальной специализации стоит обратить внимание и на потенциальный вклад АТЭС в торговлю промежуточными товарами. Тем не менее на основании этих результатов мы делаем вывод о том, что АТЭС выступает эффективной площадкой для внедрения мер по смягчению торговых барьеров среди членов форума [Ibid. P. 1092].

С помощью гравитационных моделей помимо измерения непосредственного эффекта от участия в различных соглашениях можно понять, приводят ли заключаемые политические соглашения к искажению условий, предписываемых теорией международной торговли, то есть наблюдается ли эффект отклонения торговли⁶ или, наоборот, тут наблюдается эффект создания торговли⁷. Для этого необходимо определить, приводят ли торговые соглашения к уменьшению существующих торговых потоков со странами, не участвовавшими в соглашении. В то же время гравитационная модель позволяет измерить влияние положений по упрощению процедур торговли. В 2016 г. была проведена оценка эффективности региональных торговых соглашений (РТС) — соглашений между двумя и более государствами с целью снижения торговых барьеров, создания зоны свободной торговли, таможенного союза или более глубоких форм интеграционных объединений. Целью работы было определить, ведут ли РТС к отклонению торговли, в частности был проведен анализ для региона действия АТЭС [Park, Park, 2016]. Исследование показало, что, во-первых, РТС внутри АТЭС вносят статистически значимый положительный эффект (эффект создания торговли) в развитие торговли при наличии положений об упрощении торговли [Ibid. P. 463]. Во-вторых, РТС внутри АТЭС не порождают эффект отклонения торговли, то есть не являются дискриминационными по отношению ко всем странам, входящим в РТС [Ibid. P. 463]. Таким образом, мы обращаем внимание на то, что усилия АТЭС по либерализации торговли в регионе имеют должный эффект и в целом могут быть эффективны.

Применение гравитационных моделей помимо прочего позволяет количественно оценить эффект торговых барьеров [Novy, 2013], а также их отдельных элементов [Chen, Novy, 2011]. Аналогичное исследование было проведено для анализа АТЭС [Shepherd, 2016]. В рамках АТЭС были приняты два плана Trade Facilitation Action Plans (TFAP) по снижению торговых барьеров — TFAP1 и TFAP2. Каждый из планов подразумевал пятипроцентное снижение торговых транзакционных издержек в течение 2002–2006 гг. и 2007–2010 гг., соответ-

⁶ В этом случае происходит перераспределение торговых потоков от более эффективных производителей к менее эффективным. Образование зоны свободной торговли с менее эффективным производителем подразумевает снижение (или отмену) тарифов, существующих для других стран. Это преимущество нивелирует неэффективность данного производителя и приводит к перенаправлению торговых потоков.

⁷ Увеличение торговых потоков от более эффективных производителей из-за уменьшения (или отмены) тарифов.

ственно. По окончании срока действия каждого из планов было заявлено, что цели выполнены, несмотря на то что не было представлено ни четкой методологии оценки результатов [Asia-Pacific Economic Cooperation, 2006. P. 2; Asia-Pacific Economic Cooperation, 2012], ни четкого определения торговых трансакционных издержек [Shepherd, 2016. P. 3]. Результаты анализа с помощью гравитационной модели по отдельным странам за 2002–2010 гг. показали, что многие участники АТЭС не смогли перешагнуть заявленные пороги по снижению торговых трансакционных издержек, а в некоторых случаях (например, для Филиппин) издержки даже выросли. Несмотря на то, что в среднем экономики-участники добились снижения торговых трансакционных издержек, в количественном выражении это изменение соответствовало общемировому. Таким образом, участие в АТЭС практически не оказало эффекта на темп изменения торговых трансакционных издержек, а темп их снижения в рамках АТЭС замедлился после принятия политики ТГАР, что дополнительно указывает на их неэффективность и плохую реализацию поставленных задач [Shepherd, 2016. P. 8].

Сравнение и выводы

Применение гравитационной модели позволяет количественно оценить конкретный вклад наднациональной организации в международную торговлю, в то время как использование индексов для ex-post оценки отражает совокупные результаты действий агентов международной торговли. Декомпозиция эффектов от конкретных мер экономической политики при использовании индексов трудозатратна, а во многих случаях практически невозможна. Представленная в финальном отчете о выполнении Богорских целей группа показателей и индексов фокусируется на общих трендах, не отражающих конкретного влияния АТЭС на международную торговлю экономик-участниц. Использование дополнительных индексов, рекомендованных международными агентствами, также не позволяет продемонстрировать эффект от деятельности наднациональной организации. Рост индекса открытости торговли (рис. 2) и индекса проникновения на экспортные рынки (рис. 3) и для экономик АТЭС отражает развитие международных торговых отношений участников АТЭС. Однако такой тренд характерен и для мировой экономики в целом. В то же время применение гравитационной модели позволяет количественно оценить вклад АТЭС по либерализации торговли, а именно — оценить рост импорта среди стран-участниц за период с 1985–2010 гг. [Hur, Lee, 2017], а также увеличение торговых потоков в результате заключения РТС между участниками форума [Park, Park, 2016].

Значения индексов не всегда могут достоверно отражать положение экономики, в этом случае применение гравитационной модели позволяет корректировать выводы. Ниже приводится пример необходимости использования различных методологий для получения достоверных результатов. Политика либерализация международной торговли, проводимая участниками АТЭС, подразумевает также снижение торговых барьеров между странами. С одной стороны, такое изменение можно количественно оценить с помощью индекса торговой свободы. Исходя из формулы (1), чем больше значение индекса торговой свободы, тем меньше торговых барьеров присутствует в экономике страны. Как видно на рис. 1, все участники АТЭС демонстрируют рост значения индекса торговой свободы в период с 2002–2010 гг., что может свидетельствовать об эффективной реализации политики либерализации торговли.

С другой стороны, изменение торговых барьеров можно оценить эконометрически, используя гравитационную модель. В работе [Shepherd, 2016] приводится количественная оценка торговых трансакционных издержек с помощью гравитационной модели для экономик-участников АТЭС за аналогичный период (с 2002–2010 гг.) [Shepherd, 2016. P. 5]. Торговые трансакционные издержки включают в себя факторы, которые увеличивают

разницу между ценами производителей страны-экспортера и потребительскими ценами страны-импортера [Shepherd, 2016. Р. 3]. Такое определение позволяет прямо соотнести концепции торговых барьеров и торговых транзакционных издержек. В случае успешной работы АТЭС в области либерализации международной торговли торговые транзакционные издержки экономик-участников должны со временем уменьшаться. Таким образом, изменение индекса торговой свободы в целом должно быть обратно пропорционально измеряемым в статье [Shepherd, 2016] торговым транзакционным издержкам.

Однако, если сравнить официальные расчёты индекса с результатами оценки торговых транзакционных издержек с помощью гравитационной модели [Shepherd, 2016. Рр. 7–10], то можно заметить несоответствие. На рис. 4 отражено изменение индекса торговой свободы (измеряемое в процентных пунктах) и относительное изменение торговых транзакционных издержек (измеряемое в процентах) за период 2002–2010 гг. В случае эффективной либерализации международной торговли изменения этих величин должны быть разнонаправлены — индекс торговой свободы должен расти, а торговые транзакционные издержки падать. Как видно из рис. 4, для 4 стран из 13, описанных в [Shepherd, 2016. Р. 9], изменение в индексе сонаправлено изменению торговых транзакционных издержек, что противоречит теоретическим выводам из анализа интерпретации значений индекса и оценки торговых транзакционных издержек.

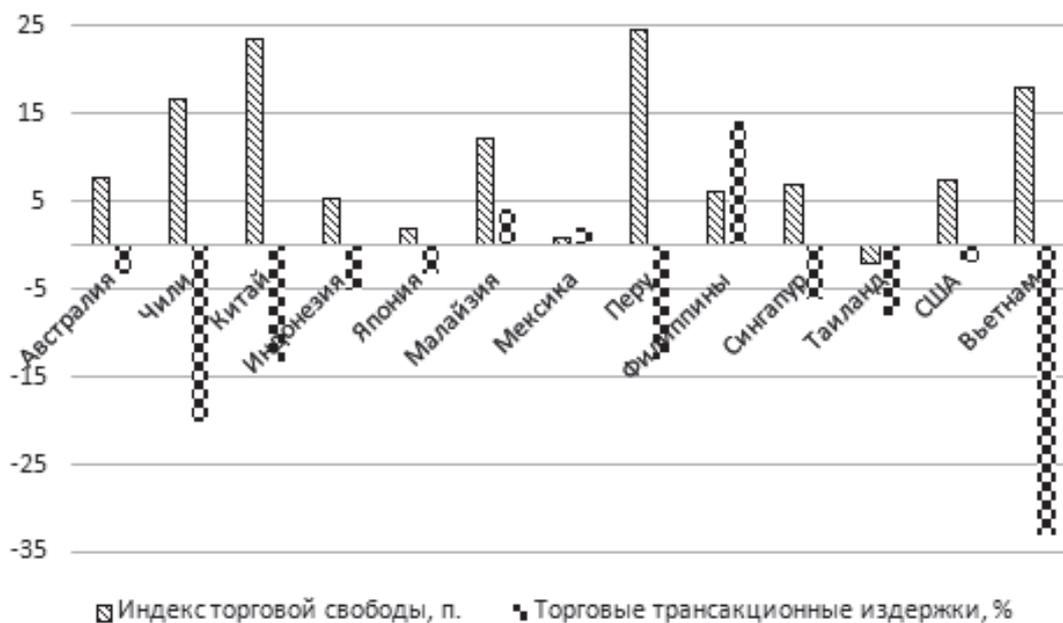

Рис. 4. Изменение торговых издержек в 2002–2010 гг.

Источник: рассчитано на основе данных [Shepherd, 2016] и [Heritage Foundation, 2021b].

Можно предположить, что ежегодная динамика (а не совокупное изменение) индекса торговой свободы для этих стран объяснит различные результаты интерпретации значений индекса и оценки гравитационной модели. Но из рис. 5 следует, что значения индекса торговой свободы для Малайзии, Мексики, Филиппин и Таиланда со временем растут — такая динамика совпадает с общими трендами, описанными выше. Это не позволяет сделать ясных выводов относительно причин расхождения результатов анализа с помощью индексов и гравитационной модели. Более глубокое изучение причин расхождения результатов анализа динамики изменения торговых барьеров с помощью индекса торговой свободы и гравитационной модели остается за рамками данной статьи. Однако этот пример наглядно показывает необходимость использования различных методологий для получения наиболее достоверных результатов.

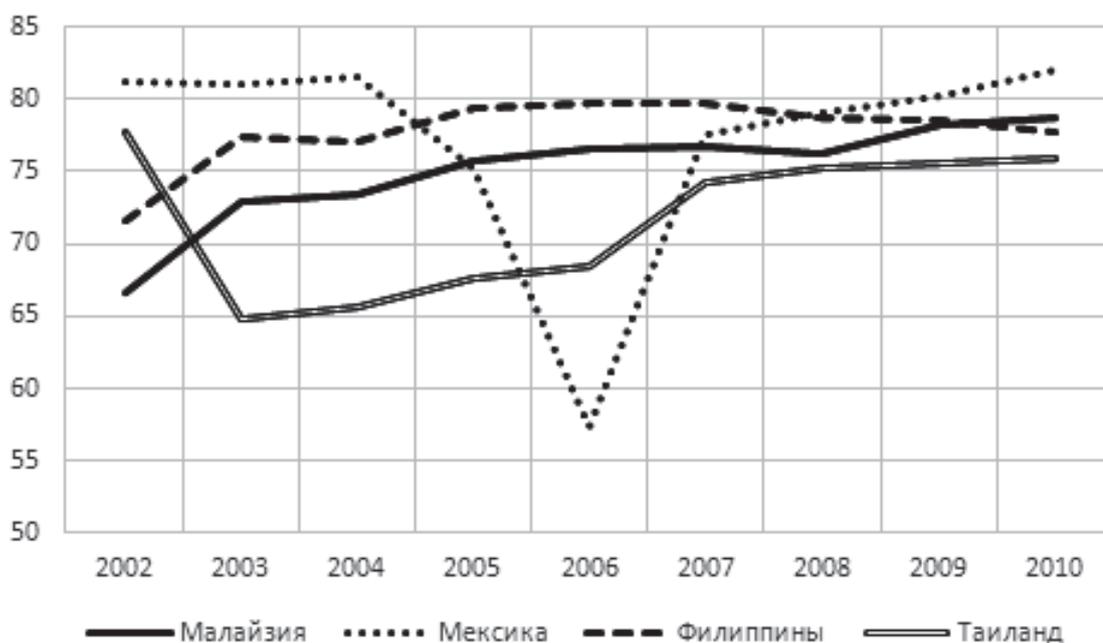

Рис. 5. Динамика индекса торговой свободы, 2002–2010 гг.

Источник: [Heritage Foundation, 2021b]

Таким образом, использование исключительно индексов при ex-post анализе не может в полной мере характеризовать эффективность результатов экономической политики в области международной торговли. Для получения наиболее реалистичной и достоверной оценки вклада наднациональных организаций в ее развитие необходимо использовать также и эконометрическую оценку — применение гравитационной модели может дополнить анализ индексов и выявить прямой эффект от проводимой политики.

К сожалению, применение такого подхода на практике представляется затруднительным. В отличие от эконометрической оценки индексы достаточно просты для восприятия и поэтому чаще используются в качестве аргумента при принятии политических решений. Из-за этого интеграция гравитационной модели и других более продвинутых методов анализа в подготовку экономической политики, особенно в области международной торговли, остаётся маловероятной.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьин О.И., Хаиткулов Р.Г., Шестаков Д.Е. (2010). Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // *Мировая экономика и международные отношения*. № 12. С. 15–27.
- Бирюкова О.В., Бежанишвили А.Д. (2017). Современные методы оценки международной торговли услугами // *Международные процессы*. Т. 15. № 48. С. 126–142.
- Брюне А., Гишар Ж.-П. (2012). Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения. М.: Новый хронограф.
- Веремеев Н. (2016). Торгово-экономическая конкуренция на Тихом океане // *Международные процессы*. Т. 14. №2. С. 95–111.
- Корытова В.С. (2015). Способы анализа конкурентоспособности экспорта // *Торговая политика*. № 2. С. 163–174.
- Ланьшина Т.А., Баринаева В.А., Логинова А.Д., Лавровский Е.П., Понедельник И.В. (2019). Опыт локализации и внедрения целей устойчивого развития в странах — лидерах в данной сфере // *Вестник международных организаций*. Т. 14. № 1. С. 207–224.
- Ненадьшина Т.С. (2019). Оценка мер по упрощению процедур международной торговли // *Международная торговля и торговая политика*. № 1 (17). С. 105–116.
- Портанский А.П. (2017). О перспективах мегарегиональных торговых соглашений // *Мир новой экономики*. № 3. С. 47–53.

- Потапов М.А. (2017). Экономическая интеграция в АТР: поиск моделей // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. №. 11. С. 57–65.
- Шумилов А.В. (2017). Оценивание гравитационных моделей международной торговли: обзор основных подходов // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. Т. 21. №. 2. С. 224–250.
- Aichele R., Felbermayr G. J., Heiland, I. (2014). Going Deep: The Trade and Welfare Effects of TTIP // CESifo Working Paper No. 5150.
- Ali S., Hussain T., Zhang G., Nurunnabi M., Li B. (2018). The implementation of sustainable development goals in “BRICS” countries // *Sustainability*. Vol. 10. No. 7. 2513.
- Allen J.W. (1967). *Illinois Interregional Trade, 1963: Trading Patterns of Manufacturing and Wholesale Industries*. Chicago: University of Illinois at Urbana-Champaign.
- Anderson J.E. (1979). A Theoretical Foundation for the Gravity Equation // *American Economic Review* Vol. 69. No. 1. Pp. 106–116.
- Anderson J.E., van Wincoop E. (2003). Gravity with Gravitas: a Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*. Vol. 93. No. 1. Pp. 170–192.
- Arkolakis C., Costinot A., Rodriguez-Claire A. (2012). New Trade Models, Same Old Gains? // *American Economic Review*. Vol. 102. No. 1. Pp. 94–130.
- Armstrong S., Drysdale P. (2009). The influence of economics and politics on the structure of world trade and investment flows: Working Paper No. 61 / East Asia Bureau of Economic Research.
- Asia-Pacific Economic Cooperation (1994). APEC Economic Leaders’ Declaration of Common Resolve. http://mddb.apec.org/Documents/1994/AELM/AELM/94_aelm_dec.doc (дата обращения 03.07.2021).
- Asia-Pacific Economic Cooperation (2006). Ha Noi Declaration. http://mddb.apec.org/Documents/2006/AELM/06_aelm_declaration.doc (дата обращения 30.08.2021).
- Asia-Pacific Economic Cooperation (2012). APEC’s achievements in trade facilitation 2007–2010: Final assessment of the second Trade Facilitation Action Plan (TFAP II) / Singapore: APEC Policy Support Unit. <https://www.apec.org/Publications/2012/01/APECS-Achievements-in-Trade-Facilitation-2007-2010---Final-Assessment-of-TFAPII> (дата обращения 30.08.2021)
- Asia-Pacific Economic Cooperation (2020a). Final Review of APEC’s Progress Towards the Bogor Goals. https://www.apec.org/About-Us/About-APEC/Achievements-and-Benefits/-/media/APEC/Publications/2020/11/Final-Review-of-APECS-Progress-Towards-the-Bogor-Goals/220_PSU_Bogor-Goals-Final-Assessment_rev2.pdf (дата обращения 03.07.2021).
- Asia-Pacific Economic Cooperation (2020b). APEC Putrajaya Vision 2040. http://mddb.apec.org/Documents/2020/AELM/AELM/20_aelm_dec_1.pdf (дата обращения 03.07.2021).
- Bacchetta M., Beverelli C., Cadot O., Fugazza M., Grether J.-M., Helble M., Nichita A., Piermartini R. (2012). *A practical guide to trade policy analysis*. Geneva, CH: World Trade Organization.
- Baeza Freer J., Griffiths J. (2019). Chile and Asia Pacific: Political Strategy in an Age of Geometrical Variables Alliances. // *América Latina y el Caribe en un mundo en transición: actores extrarregionales y estrategias latinoamericanas*. Pp. 171–198.
- Behar A. (2010). Do Managers and Experts Agree? A Comparison of Alternative Sources of Trade Facilitation Data: Working Papers. No. 503. Economics Series.
- Bergstrand J. H. (1985). The gravity equation in international trade: some microeconomic foundations and empirical evidence // *The review of economics and statistics*. No. 3. Pp. 474–481.
- Bobylev S., Grigoryev L. (2020). In search of the contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The case of BRICS // *BRICS Journal of Economics*. Vol. 2. No. 1. Pp. 4–24.
- Boylan B.M., McBeath J., Wang B. (2021). US–China relations: Nationalism, the trade war, and COVID-19 // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. Vol. 14. No. 1. Pp. 23–40.
- Bröcker J., Rohweder H. C. (1990). Barriers to international trade // *The Annals of Regional Science*. Vol. 24. No. 4. Pp. 289–305.
- Chen N., Novy D. (2011). Gravity, trade integration, and heterogeneity across industries // *Journal of International Economics*. Vol. 85. No. 2. Pp. 206–221.
- Crane G.T. (1998). Economic nationalism: bringing the nation back in // *Millennium*. Vol. 27. No. 1. Pp. 55–75.
- Deardoff A. (1998). Determinants of Bilateral Trade: Does Gravity Work in a Neoclassical World? // *The Regionalization of the World Economy* / Ed. J.A. Frankel. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 7–32.
- Drysdale P. (2009). APEC’s Origins and its Future // *APEC at 20: Recall, Reflect, Remake* / K. Kesavapany, H. Lim (Eds.). Singapore: ISEAS Publishing. Pp. 17–29.
- Eaton B., Kortum S. (2002). Technology, Geography and Trade // *Econometrica*. Vol. 70. No. 5. Pp. 1741–1779.
- Helleiner E., Pickel A. (2005). *Economic nationalism in a globalizing world*. Ithaca, N.-Y.: Cornell University Press.
- Heritage Foundation (2021a). Index of economic freedom. <https://www.heritage.org/index/about> (дата обращения 03.07.2021).
- Heritage Foundation (2021b). Trade Freedom: Tariffs, Imports, Exports, and Economic Freedom. <https://www.heritage.org/index/trade-freedom.aspx> (дата обращения 03.07.2021).

- Heritage Foundation* (2021c). Economic Data and Statistics on World Economy and Economic Freedom. <https://www.heritage.org/index/explore> (дата обращения 30.08.2021).
- Hua C.I., Porell F.* (1979). A critical review of the development of the gravity model // *International Regional Science Review*. Vol. 4. No. 2. Pp. 97–126.
- Hur J., Lee H.H.* (2017). APEC has indeed created intra-regional trade: A systematic empirical analysis // *The Singapore Economic Review*. Vol. 62. No. 5. Pp. 1077–1095.
- Krugman P.* (1995). Dutch tulips and emerging markets // *Foreign affairs*. Vol. 74. No. 4. Pp. 28–44.
- Lee H.H., Hur J.* (2009). Trade creation in the APEC region: Measurement of the magnitude of and changes in intra-regional trade since APEC's inception. Asia-Pacific Economic Cooperation Policy Support Unit.
- Makin A.J., Chai A.* (2018). Prioritizing Foreign Investment in APEC // *Global Economy Journal*. Vol. 18. No. 3. Pp. 1–30.
- McCallum J.* (1995). National borders matter: Canada-US regional trade patterns // *The American Economic Review*. Vol. 85. No. 3. Pp. 615–623.
- McConnell J.E.* (1969). An analysis of international trade networks: the examples of EFTA and LAFTA. Columbus (Ohio): The Ohio State University.
- McDermott J.* (1999). Mercantilism and modern growth // *Journal of Economic Growth*. Vol. 4. No. 1. Pp. 55–80.
- Novy D.* (2013). Gravity redux: Measuring international trade costs with panel data // *Economic Inquiry*. Vol. 51. No. 1. Pp. 101–121.
- Osakwe C., Ani K.J.* (2014). Asian Pacific economic cooperation: an appraisal // *American International Journal of Contemporary Research*. Vol. 4. No. 1. Pp. 230–237.
- Park I., Park S.* (2016). Trade facilitation provisions in regional trade agreements: discriminatory or non-discriminatory? // *East Asian Economic Review*. Vol. 20. No. 3. Pp. 447–467.
- Pryke S.* (2012). Economic nationalism: Theory, history and prospects // *Global Policy*. Vol. 3. No. 3. Pp. 281–291.
- Quimba F.M.A., Barral M.A.A.* (2019). The evolution of APEC and its role in the Philippine trade and investment // *PIDS Discussion Paper Series*. No. 2019–07.
- Sachs J., Krull C., Lafortune G., Fuller G., Woelm F.* (2021). The Decade of Action for the Sustainable Development Goals: Sustainable Development Report 2021. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shepherd B.* (2016). Did APEC's Trade Facilitation Action Plans deliver the goods? // *Journal of Asian Economics*. Vol. 43. Pp. 1–11.
- Slobodian, Q.* (2018). *Globalists*. Cambridge: Harvard University Press.
- Solis M., Wilson J. D.* (2017). From APEC to mega-regionals: the evolution of the Asia-Pacific trade architecture // *The Pacific Review*. Vol. 30. No. 6. Pp. 923–937.
- Stiglitz J., Schoenfeld L.* (2003). Challenging the Washington consensus // *The Brown Journal of World Affairs*. Vol. 9. No. 2. Pp. 33–40.
- Taplin G.B.* (1967). Models of World Trade // *IMF Staff Papers*. Vol. 14. No. 3. Pp. 433–455.
- Tinbergen J.* (1962). *Shaping the world economy — Suggestions for an international economic policy*. N.-Y.: Twentieth Century Fund.
- World Bank* (2021). DataBank | World Development Indicators | Trade (% of GDP). <https://databank.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS/1ff4a498/Popular-Indicators> (дата обращения 30.08.2021).
- World Integrated Trade Solution* (2021a). Data on Export, Import, Tariff, NTM. <https://wits.worldbank.org/> (дата обращения: 19.08.2021)
- World Integrated Trade Solution* (2021b). Index Of Export Market Penetration By Country in 1988–2019 | WITS Data. <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/country/by-country/startyear/LTST/endyear/LTST/indicator/NDX-XPRT-МКТ-PNRTTN> (дата обращения 30.08.2021).
- Yamazawa I.* (1970). Intensity analysis of world trade flow // *Hitotsubashi Journal of Economics*. Vol. 10. No. 2. Pp. 61–90.
- Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.A., Larch M.* (2016). An advanced guide to trade policy analysis: The structural gravity model. Geneva: World Trade Organization.
- Zhang D., Lei L., Ji Q., Kutun A.M.* (2019). Economic policy uncertainty in the US and China and their impact on the global markets // *Economic Modelling*. Vol. 79. Pp. 47–56.

Галеев Антон Владиславович

agaleev@hse.ru

Anton Galeev

Research fellow at Centre for the History and Methodology of Economic Science Department of Theoretical Economics HSE University (Moscow)

agaleev@hse.ru

Жохов Михаил Михайлович

mzhokhov@nes.ru

Mikhail Zhokhov

Research Assistant at Centre for the History and Methodology of Economic Science. HSE University New Economic School (Moscow)

mzhokhov@nes.ru

EX-POST ANALYSIS OF INTERNATIONAL TRADE: COMPARISON OF METHODOLOGICAL APPROACHES

Abstract. The article compares methodological approaches to the ex-post analysis of the economic policy in the development of international trade using the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) as an example. Firstly, we consider the use of indices for the assessment of the organization's performance. The article presents the data of the indices used directly by APEC when summing up the work results, as well as the indices recommended by the WTO, UNCTAD, and the World Bank. Secondly, we consider the methodology of ex-post analysis using econometric models, namely the gravity model. The results of assessing the impact of APEC on the volume of imports, trade transaction costs, and the effectiveness of policies aimed at facilitating trade are presented. Based on the results of a comparative analysis of methodological approaches, we conclude that the exclusive use of indices in ex-post analysis cannot fully characterize the results of economic policy, since it is impossible to single out the effect of specific measures. In particular, the values of the indices do not reflect the contribution of APEC to the development of international trade in the region. It is also necessary to use an econometric estimation to obtain a reliable assessment of economic policy — the application of the gravity model can complement the index analysis and quantify the results of the pursued policy. Thus, the authors recommend the use of econometric estimation in the development of economic policy and the analysis of its results in international trade.

Keywords: *international trade, ex-post analysis, indices, gravity model, Asia-Pacific Economic Cooperation.*

JEL: B41, F13.

REFERENCES

- Aichele R., Felbermayr G.J., Heiland, I. (2014). Going Deep: The Trade and Welfare Effects of TTIP // *CESifo Working Paper*. No. 5150.
- Ali S., Hussain T., Zhang G., Nurunnabi M., Li, B. (2018). The implementation of sustainable development goals in “BRICS” countries // *Sustainability*. Vol. 10. No. 7. 2513.
- Allen J.W. (1967). *Illinois Interregional Trade, 1963: Trading Patterns of Manufacturing and Wholesale Industries*. Chicago: University of Illinois at Urbana-Champaign.
- Ananyin O.I., Haitkulov R.G., Shestakov D.E. (2010). Vashingtonskij konsensus: pejzazh posle bitv [Washington Consensus: Landscape after Battles] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 12. Pp. 15–27. (In Russ.).
- Anderson J.E. (1979). A Theoretical Foundation for the Gravity Equation // *American Economic Review*. Vol. 69. No. 1. Pp. 106–116.
- Anderson J.E., van Wincoop E. (2003). Gravity with Gravitas: a Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*. Vol. 93. No. 1. Pp. 170–192.
- Arkolakis C., Costinot A., Rodriguez-Claire A. (2012). New Trade Models, Same Old Gains? // *American Economic Review*. Vol. 102. No. 1. Pp. 94–130.
- Armstrong S., Drysdale P. (2009). The influence of economics and politics on the structure of world trade and investment flows // *East Asia Bureau of Economic Research Working Paper*. No. 61.
- Asia-Pacific Economic Cooperation (1994). APEC Economic Leaders' Declaration of Common Resolve. http://mddb.apec.org/Documents/1994/AELM/AELM/94_aelm_dec.doc (дата обращения 03.07.2021).
- Asia-Pacific Economic Cooperation (2006). Ha Noi Declaration. http://mddb.apec.org/Documents/2006/AELM/06_aelm_declaration.doc (дата обращения 30.08.2021).

- Asia-Pacific Economic Cooperation* (2012). APEC's achievements in trade facilitation 2007–2010: Final assessment of the second Trade Facilitation Action Plan (TFAP II) / Singapore: APEC Policy Support Unit. <https://www.apec.org/Publications/2012/01/APECs-Achievements-in-Trade-Facilitation-2007-2010---Final-Assessment-of-TFAPII> (дата обращения 30.08.2021).
- Asia-Pacific Economic Cooperation* (2020a). Final Review of APEC's Progress Towards the Bogor Goals. https://www.apec.org/About-Us/About-APEC/Achievements-and-Benefits/-/media/APEC/Publications/2020/11/Final-Review-of-APECs-Progress-Towards-the-Bogor-Goals/220_PSU_Bogor-Goals-Final-Assessment_rev2.pdf (дата обращения 03.07.2021)
- Asia-Pacific Economic Cooperation* (2020b). APEC Putrajaya Vision 2040. http://mddb.apec.org/Documents/2020/AELM/AELM/20_aelm_dec_1.pdf (дата обращения 03.07.2021).
- Bacchetta M., Beverelli C., Cadot O., Fugazza M., Grether J.-M., Helble M., Nichita A., Piermartini R. (2012). *A practical guide to trade policy analysis*. Geneva, CH: World Trade Organization.
- Baeza Freer J., Griffiths J. (2019). Chile and Asia Pacific: Political Strategy in an Age of Geometrical Variables Alliances. // *América Latina y el Caribe en un mundo en transición: actores extrarregionales y estrategias latinoamericanas*. Pp. 171–198.
- Behar A. (2010). Do Managers and Experts Agree? A Comparison of Alternative Sources of Trade Facilitation Data // *Economics Series Working Papers*. No. 503.
- Bergstrand J.H. (1985). The gravity equation in international trade: some microeconomic foundations and empirical evidence // *The review of economics and statistics*. No. 3. Pp. 474–481.
- Birjukova O.V., Bezhanishvili A.D. (2017). Sovremennye metody ocenki mezhdunarodnoj trgovli uslugami [Modern methods of assessing international trade in services] // *Mezhdunarodnyye processy*. Vol. 15. No. 48. Pp. 126–142. (In Russ.).
- Bobylev S., Grigoryev L. (2020). In search of the contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The case of BRICS // *BRICS Journal of Economics*. Vol. 2. No. 1. Pp. 4–24.
- Boylan B.M., McBeath J., Wang B. (2021). US–China relations: Nationalism, the trade war, and COVID-19 // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. Vol. 14. No. 1. Pp. 23–40.
- Bröcker J., Rohweder H. C. (1990). Barriers to international trade // *The Annals of Regional Science*. Vol. 24. No. 4. Pp. 289–305.
- Brjune A., Gishar Zh.–P. (2012). *Geopolitika merkantilizma: novyy vzgljad na mirovuju jekonomiku i mezhdunarodnyye otnosheniya* [The geopolitics of mercantilism: a new view of the world economy and international relations]. M.: Novyj hronograf. (In Russ.)
- Chen N., Novy D. (2011). Gravity, trade integration, and heterogeneity across industries // *Journal of International Economics*. Vol. 85. No. 2. Pp. 206–221.
- Crane G.T. (1998). Economic nationalism: bringing the nation back in // *Millennium*. Vol. 27. No. 1. Pp. 55–75.
- Deardoff A. (1998). Determinants of Bilateral Trade: Does Gravity Work in a Neoclassical World? // *The Regionalization of the World Economy* / Ed. J. A. Frankel. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 7–32.
- Drysdale P. (2009). APEC's Origins and its Future // *APEC at 20: Recall, Reflect, Remake* / K. Kesavapany, H. Lim (Eds.). Singapore: ISEAS Publishing. Pp. 17–29.
- Eaton B., Kortum S. (2002). Technology, Geography and Trade // *Econometrica*. Vol. 70. No. 5. Pp. 1741–1779.
- Helleiner E., Pickel A. (2005). *Economic nationalism in a globalizing world*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.
- Heritage Foundation (2021a). Index of economic freedom. <https://www.heritage.org/index/about> (дата обращения 03.07.2021).
- Heritage Foundation (2021b). Trade Freedom: Tariffs, Imports, Exports, and Economic Freedom. <https://www.heritage.org/index/trade-freedom.aspx> (дата обращения 03.07.2021).
- Heritage Foundation (2021c). Economic Data and Statistics on World Economy and Economic Freedom. <https://www.heritage.org/index/explore> (дата обращения 30.08.2021).
- Hua C.I., Porell F. (1979). A critical review of the development of the gravity model // *International Regional Science Review*. Vol. 4. No. 2. Pp. 97–126.
- Hur J., Lee H. H. (2017). APEC has indeed created intra-regional trade: A systematic empirical analysis // *The Singapore Economic Review*. Vol. 62. No. 5. Pp. 1077–1095.
- Krugman P. (1995). Dutch tulips and emerging markets // *Foreign affairs*. Vol. 74. No. 4. Pp. 28–44.
- Korytova V.S. (2015). Sposoby analiza konkurentosposobnosti jeksporta [Ways to analyze export competitiveness] // *Torgovaja politika*. No. 2. Pp. 163–174. (In Russ.).
- Lan'shina T.A., Barinova V.A., Loginova A.D., Lavrovskij E.P., Ponedel'nik I.V. (2019). Opyt lokalizacii i vnedrenija Celej ustojchivogo razvitija v stranah — liderah v dannoj sfere [The experience of localization and implementation of the Sustainable Development Goals in the leading countries in this area] // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. Vol. 14. No. 1. Pp. 207–224. (In Russ.)
- Lee H.H., Hur J. (2009). Trade creation in the APEC region: Measurement of the magnitude of and changes in intra-regional trade since APEC's inception // *Asia-Pacific Economic Cooperation Policy Support Unit*.
- Makin A.J., Chai A. (2018). Prioritizing Foreign Investment in APEC // *Global Economy Journal*. Vol. 18. No. 3. Pp. 1–30.

- McCallum J. (1995). National borders matter: Canada-US regional trade patterns // *The American Economic Review*. Vol. 85. No. 3. Pp. 615–623.
- McConnell J.E. (1969). *An analysis of international trade networks: the examples of EFTA and LAFTA*. Columbus (Ohio): The Ohio State University.
- McDermott J. (1999). Mercantilism and modern growth // *Journal of Economic Growth*. Vol. 4. No. 1. Pp. 55–80.
- Nenadyshina T.S. (2019). Ocenka mer po uproshteniju procedur mezhdunarodnoj trgovli [Evaluation of international trade facilitation measures] // *Mezhdunarodnaja trgovlja i trgovaja politika*. No. 1 (17). Pp. 105–116. (In Russ.).
- Novy D. (2013). Gravity redux: Measuring international trade costs with panel data // *Economic Inquiry*. Vol. 51. No. 1. Pp. 101–121.
- Osakwe C., Ani K.J. (2014). Asian Pacific economic cooperation: an appraisal // *American International Journal of Contemporary Research*. Vol. 4. No. 1. Pp. 230–237.
- Park I., Park S. (2016). Trade facilitation provisions in regional trade agreements: discriminatory or non-discriminatory? // *East Asian Economic Review*. Vol. 20. No. 3. Pp. 447–467.
- Portanskij A.P. (2017). O perspektivah megaregional'nyh torgovyh soglashenij [On the prospects of mega-regional trade agreements] // *Mir novoj ekonomiki*. No. 3. Pp. 47–53. (In Russ.).
- Potapov M.A. (2017). Jekonomicheskaja integracija v ATR: poisk modelej [Economic integration in the Asia-Pacific region: search for models] // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. Vol. 61. No. 11. Pp. 57–65. (In Russ.).
- Pryke S. (2012). Economic nationalism: Theory, history and prospects // *Global Policy*. Vol. 3. No. 3. Pp. 281–291.
- Quimba F.M.A., Barral M.A.A. (2019). The evolution of APEC and its role in the Philippine trade and investment // *PIDS Discussion Paper Series*. No. 2019–07.
- Sachs J., Kröll C., Lafortune G., Fuller G., Woelm F. (2021). *The Decade of Action for the Sustainable Development Goals: Sustainable Development Report 2021*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shepherd B. (2016). Did APEC's Trade Facilitation Action Plans deliver the goods? // *Journal of Asian Economics*. Vol. 43. Pp. 1–11.
- Shumilov A.V. (2017). Ocenivanie gravitacionnyh modelej mezhdunarodnoj trgovli: obzor osnovnyh podhodov [Evaluation of gravitational models of international trade: an overview of the main approaches] // *Ekonomicheskij zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki*. Vol. 21. No. 2. Pp. 224–250. (In Russ.).
- Slobodian, Q. (2018). *Globalists*. Cambridge: Harvard University Press.
- Solis M., Wilson J.D. (2017). From APEC to mega-regionals: the evolution of the Asia-Pacific trade architecture // *The Pacific Review*. Vol. 30. No. 6. Pp. 923–937.
- Stiglitz J., Schoenfelder L. (2003). Challenging the Washington consensus // *The Brown Journal of World Affairs*. Vol. 9. No. 2. Pp. 33–40.
- Taplin G.B. (1967). Models of World Trade // *IMF Staff Papers*. Vol. 14. No. 3. Pp. 433–455.
- Tinbergen J. (1962). *Shaping the world economy — Suggestions for an international economic policy*. N.Y.: Twentieth Century Fund.
- World Bank (2021). DataBank | World Development Indicators | Trade (% of GDP). <https://databank.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS/1ff4a498/Popular-Indicators> (дата обращения 30.08.2021)
- World Integrated Trade Solution (2021a). Data on Export, Import, Tariff, NTM. <https://wits.worldbank.org/> (дата обращения: 19.08.2021)
- World Integrated Trade Solution (2021b). Index Of Export Market Penetration By Country in 1988–2019 | WITS Data. <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/country/by-country/startyear/LTST/endyear/LTST/indicator/NDX-XPRT-MKT-PNRTTN> (дата обращения 30.08.2021)
- Yamazawa I. (1970). Intensity analysis of world trade flow // *Hitotsubashi Journal of Economics*. Vol. 10. No. 2. Pp. 61–90.
- Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.A., Larch M. (2016). *An advanced guide to trade policy analysis: The structural gravity model*. Geneva: World Trade Organization.
- Zhang D., Lei L., Ji Q., Kutan A.M. (2019). Economic policy uncertainty in the US and China and their impact on the global markets // *Economic Modelling*. Vol. 79. Pp. 47–56.